

УДК 94(620)"1882/1914"

**ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВОКРУГ СТАТУСА БРИТАНСКИХ ВОЙСК
В ЕГИПТЕ В ПЕРИОД «ЗАВУАЛИРОВАННОГО ПРОТЕКТОРАТА»
(1882-1914)**

**THE DIPLOMATIC STRUGGLE OVER THE STATUS OF THE BRITISH TROOPS
IN EGYPT DURING THE "VEILED PROTECTORATE" (1882-1914)**

А.Х. Хизриев

A. Khizriyev

*Дагестанский государственный университет,
Россия, 367000, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а*

*Daghestan State University,
M. Gajiyev St. 43a, Makhachkala, 367000, Pеспублика of Dagestan, Russia*

E-mail: escalex@mail.ru

Ключевые слова: британская оккупация, британское правительство, «завуалированный протекторат», статус британских войск, Суэцкий канал, генеральное консульство в Каире, Константинопольская конвенция, Первая мировая война.

Key words: British occupation, the British government, "veiled protectorate", status of British troops, the Suez Canal, the Consulate General in Cairo, Constantinople Convention, World War I.

Аннотация. Статья охватывает вопросы определения статуса британских оккупационных войск в Египте с 1882 до 1914 гг. и дипломатическую борьбу великих европейских держав того времени вокруг этой проблемы. Вся эта проблема детально описывается в ее развитии с момента установления системы «завуалированного протектората», призванной скрыть истинные цели правительства Англии в этом регионе, до официального утверждения статуса протектората Британской империи. Делаются попытки найти побудительные мотивы и методы управления британского внешнеполитического ведомства в этой непростой ситуации с учетом противодействия таких держав как Россия и Франция. При этом приводятся данные из архивов британского министерства иностранных дел, подтверждающие все приведенные факты. Дополняют картину также свидетельства современников тех событий – лорда Кромера и Милнера – представителей оккупационных властей, издавших свои мемуары.

Resume. The article covers the definition of the status of the British troops in Egypt from 1882 to 1914 and diplomatic struggle of the great European powers of that time over this problem. This whole problem is described in detail in its development since the establishment of the "veiled protectorate" designed to hide the true purpose of the British Government in the region, to the formal approval of the Protectorate status of the British Empire. It attempts to find the motives and methods of management of the British Foreign Office in this difficult situation considering counter of such powers as Russia and France. Herewith it provides data from the archives of the British Foreign Office, confirming all these facts. The evidences of the contemporaries of those events - Lord Milner and Cromer who were representatives of the occupation authorities and published their memoirs, complete the picture.

Как известно, итогом британской оккупации Египта в сентябре 1882 г. стало подавление национально-освободительного движения во главе с полковником Ораби-пашой и превращение страны в фактический протекторат Англии. При этом определение юридического статуса пребывания британских войск в стране было отложено на будущее. Созванная до этого, в период с 23 июня по 14 августа 1882 г., Константинопольская конференция, призванная разрешить Египетский кризис, закончилась дипломатической победой Лондона, так как продолжение ее становилось бессмысленным вследствие свершившегося факта.

К сфере международной компетенции британцы отнесли лишь вопросы об иностранных займах Египта, порядок налогообложения иностранцев, вопросы о смешанных судах и о режиме судоходства по Суэцкому каналу. Преобразования в Египте были названы Велико-

британией «планом реформ» и отражены в ноте Форин-офиса европейским державам и Турции от 3 января 1883 г.¹

Что касается попыток России связать своих партнеров по Союзу трех императоров (Германию и Австро-Венгрию) обязательством совместно отстаивать свое право участвовать в урегулировании египетского вопроса, то они не увенчались успехом. Ни программа-минимум российской дипломатии (сохранение статус-кво Египта как политической автономии в рамках Османской империи), ни программа-максимум (создание эффективного контроля над Египтом с участием всех европейских держав), так и не были реализованы. Не увенчались успехом и призывы России к османскому султану вмешаться и потребовать рассмотрения египетского вопроса всем «Европейским концертом». Остальные же державы поддерживали действия Англии; лишь Франция внесла оговорку, в которой выражалось недовольство упразднением двойственного контроля Великобритании и Франции в Египте.

По итогам Конференции было принято решение побудить Турцию послать войска в Египет для подавления национально-освободительного движения. При этом была сделана оговорка, согласно которой западные державы оставляли за собой свободу действий в случае возникновения «непредвиденных обстоятельств»². В ходе конференции также произошло важнейшее событие, которое окончательно определило раскол между Россией, с одной стороны, и Тройственным союзом и англо-французским блоком, с другой. 11 июля 1882 г. подверглась бомбардировке Александрия. Бомбардировка продолжалась 10 часов, а через два дня произошла высадка британских матросов.

Даже с точки зрения международного права XIX века подобная акция виделась незаконной. Россия послала своим делегатам приказ немедленно оставить конференцию, заявив, что «Его Императорское Величество согласен принимать участие в конференции, доколе ее решения будут приниматься самостоятельно, но не желает просто соглашаться с свершившимися фактами»³. Другие же державы вполне одобрили действия Лондона. Существовавшее положение дел их вполне устраивало. Им было выгодно не брать на себя ответственности за те действия, которые могли бы совершить британцы. К тому же за «Европейским концертом» всегда оставалось бы право обуздать Англию, когда понадобится.

Однако неучастие России в конференции тоже было невыгодно ее участникам. Ведь в случае хотя бы формального присутствия царских представителей в Константинополе, создавалась какая-то иллюзия международного консенсуса; в случае же отсутствия российских делегатов, Петербург не считал бы себя связанным решениями конференции. Не стоило забывать и о Суэцкой проблеме, которую опять же желательно было решать при участии России.

Учитывая подобные факторы, германская сторона внесла предложение о создании международной морской полиции для охраны Суэцкого канала. Помимо этого, страны Тройственного союза заявили о намерении добиваться принятия конференцией заключительной декларации (о международном договоре, имеющем обязательную силу для всех участников, речь не шла). Державы рассматривали данную декларацию как гарантию против попыток Англии осуществлять какие-либо изменения статус-кво Египта без согласия «Европейского концерта». В ответ британское правительство заверило участников, что только после окончания войны с ватанистами в Египте, оно обратится к другим державам за содействием в урегулировании египетского вопроса. Однако в результате противодействия Великобритании и Тройственного союза, резолюция 14 августа о коллективной охране Суэцкого канала оказалась всего лишь листом бумаги, а переговоры о заключительной декларации так ни к чему и не привели.

Россию, покинувшую Константинопольскую конференцию, заманили туда вновь, но она так и не получила того, что хотела. Это было серьезное поражение петербургской дипломатии, – тем более заметное, что ему предшествовал Берлинский конгресс, созданный по итогам русско-турецкой войны 1877-1878 гг.⁴ Важно, однако, отметить, что по информации британского военного атташе, интересы Петербурга в Египте по сравнению с другими европейскими державами были на самом деле не столь значительны, и египетский вопрос интересовал российские власти только в контексте международной дипломатии, в частности, в том, что имело отношение к Османской империи⁵.

¹ Беккин Р.И. Дипломатическая борьба вокруг Египта и участие в ней России (в период с 1881 по 1896 г.) // New Africa.ru. – 4 ноября 2006 г. URL: http://newafrica.ru/digest/egypt_russia_history.htm.

² Там же.

³ Egypt (Blue Book). London, 1882. № 17. P. 259-260. Цит. по: Ротштейн Ф.А. Захват и закабаление Египта. М., 1959.

⁴ Беккин Р.И. Указ. соч.

⁵ The National Archives (United Kingdom). – Foreign Office (FO) 65/1157. – Mr Kennedy № 237: To the Earl Granville. St. Petersburg, October 4, 1883. P. 183 (back).

Захвату Англией Египта и Суэцкого канала способствовала также сложившаяся международная обстановка, которая обеспечила ей позицию несопротивления со стороны других крупных держав. Великобритании весьма благоприятствовали затруднения ее постоянного соперника в Египте Франции в связи с образованием в 1882 г. Тройственного союза. Перед угрозой со стороны Германии Париж вынужден был переориентировать свою внешнюю политику на сближение с Лондоном. Свои причины не препятствовать действиям британского правительства имела и царская Россия, предпочитавшая «завязать» Англию в Египте, с тем, чтобы обеспечить себе свободу действий в Средней Азии⁶.

Тем не менее, Египет не был включен в состав Британской империи. Премьер-министр Соединенного Королевства Уильям Гладстон был противником прямой аннексии или даже установления протектората. Он был сторонником фактического владения Египтом, юридически никак не оформленного, через институт генерального консульства. Он считал это весьма выгодной позицией, поскольку она позволяла осуществлять проведение необходимых мероприятий, обеспечивающих соблюдение жизненно важных интересов Британии, в том числе, и единоличного владения Суэцким каналом⁷.

Правовой статус этой территории продолжал оставаться неопределенным. До 1882 г. полунезависимая страна формально находилась под сюзеренитетом турецкого султана, а фактически, по выражению Ф.А. Ротштейна, совершенно серьезно считалась «компанией трёх партнёров» Англии, Франции и Турции⁸. После оккупации внешне мало что изменилось. Египет, как и раньше, оставался самоуправляющейся частью Османской империи, имел наследственного правителя — хедива и уплачивал ежегодную дань Порте; Франция только в 1904 г. официально отказалась от притязаний на преобладание в этой стране. Что касается Великобритании, то эта держава постепенно приобретала исключительную власть над Египтом. Однако британский «сюзеренитет» не был закреплен каким-либо международно-правовым актом.

Неопределенность статуса англо-египетских отношений вполне устраивала руководителей имперской политики Великобритании. Она позволила отладить совершенно уникальную систему контроля над внутренней и внешней политикой Египта, получившую неофициальное наименование — «завуалированный протекторат»⁹. Данное предположение подтверждается также тем, что в письме британского премьер-министра маркиза Солсбери руководителю специальной миссии в Египте Драммонду Вульффу от 7 августа 1885 г. даются особые распоряжения по определению фактических полномочий британского дипломатического корпуса в Египте, в том числе, и по ограничению власти хедива в стране¹⁰. По определению британского журналиста и дипломата В. Чирола, эта система представляла собой «пеструю смесь из удобных фикций, предназначенных скрывать неудобные факты»¹¹.

Основа, на которой строились англо-египетские отношения в период «завуалированного протектората», была двусмысленной. Ее контуры были определены министром иностранных дел Британской империи Джорджем Гренвиллом (1815-1891) в послании главам государств от 3 января 1883 г. и его депеше на имя генерального консула в Каире от 4 января 1884 г. Первый из документов предназначался для широкого употребления и должен был создать впечатление, что англичане оставляли за собой лишь право давать «советы» египетским должностным лицам в случае, если в этом возникает необходимость. Второй — конфиденциальный — полностью рассеивал иллюзии. «Необходимо, — инструктировал лорд Гренвилл верховного резидента Египта, — чтобы египетские министры и губернаторы провинций уяснили себе: ответственность, лежащая в настоящее время на Великобритании, вынуждает правительство Ее Величества настаивать на одобрении политики, которую оно рекомендует. Те министры и губернаторы, которые не будут следовать указанному курсу, неизбежно потеряют право занимать свои посты»¹². Как видно, любая «рекомендация» Уайтхолла представляла собой приказ, обязательный к исполнению. Жизнеспособность системы «завуалированного протектората» обеспечивалась тремя факторами: экономическим господством Великобрита-

⁶ Никитина Г.С. Суэцкий канал — национальное достояние египетского народа. М., 1956. С. 20.

⁷ Knaplund P. Gladstone's Foreign Policy. L.: Frank Cass & Co. Ltd, 1970. P. 208.

⁸ Ротштейн Ф.А. Захват и закабаление Египта. М., 1959. С. 135.

⁹ Бурьян М.С. Египет во внешней и колониальной политике Великобритании в 20-х гг. XX века. Луганск, 1994. С. 39.

¹⁰ The British Library. — India Office Records (IOR): L/Parl/2/229. — Egypt. № 1. Correspondence: H. Drummond Wolff's Special Mission. — The Marquis Salisbury to Sir H. Drummond Wolff. — Foreign Office, August 7, 1885. P. 1-2.

¹¹ Цит. по: Бурьян М.С. Указ. соч. С. 39.

¹² Там же.

нии, присутствием в Египте британской оккупационной армии и наличием в этой стране контингента официальных представителей британского правительства «на местах»¹³.

Что касается позиции египетского руководства, то оно, будучи абсолютно несамостоятельным в принятии каких-либо решений, не возражало против установления британского господства в стране. При этом, как явствует из депеши секретаря генконсульства Великобритании в Египте Э. Эгертона маркизу Солсбери, только духовенство было категорически против иностранного вмешательства в религиозные дела и выступало за сохранение духовного сюзеренитета османского султана¹⁴.

Экономические позиции Великобритании и других европейских держав в Египте после 1882 г. были уже очень сильными. Общий объем иностранных капиталовложений в этой стране составлял к 1914 г. 210 млн. ф. ст. Приблизительно восьмую часть вложений представлял британский капитал, пятую – французский. Весь капитал иностранных банков – а египетских практически не было – был ввезен из-за рубежа. Египет оказался во власти европейских кредиторов. По данным Л.А. Фридмана, в расчете на душу населения государственный долг этой страны был в 17-20 раз выше, а платежи по долгу в 20 раз больше, чем в Индии. В начале 80-х гг. XIX в. эти платежи составляли до 70-80% государственных расходов, к началу XX в. – до 50%¹⁵. Главные кредиторы – Англия и Франция – определяли развитие египетской экономики. При этом в торговом, ипотечном и банковском деле, в транспортных и земельных компаниях, в индустрии Англия играла, по оценке А. Краучли, «важную, иногда важнейшую» роль¹⁶.

Следует иметь в виду, что среди ведущих мировых держав второй половины XIX в. Великобритания была наиболее влиятельной, что давало ей возможность оказывать серьезное давление на своих геополитических соперников в таких жизненно важных для нее регионах как Индия и Египет. Не только экономическое, но и военное могущество Великобритании способствовало тому, что вплоть до начала Первой мировой войны протекторат над Египтом оставался «необъявленным». Британские военные подразделения были расквартированы в различных частях Империи и в случае необходимости могли быть применены в этом регионе. Однако главную надежду Лондон возлагал на воинский контингент, оставшийся в Египте после подавления восстания Ораби-паши.

При этом, несмотря на неоднократные заявления о временном пребывании британского контингента в Египте, Лондон отказывался указывать определенную дату вывода своих войск, мотивируя это тем, что в стране до сих пор сохраняется угроза европейским интересам, поскольку египетские вооруженные силы не в состоянии противостоять каким-либо вызовам как внутри страны, так и вне ее, и защитить установленный иностранцами режим, гарантирующий их интересы. В переговорах очередной комиссии по определению статуса британских войск англичане заявляли, что они «искренне желают как можно раньше вывести свои войска, но возложенная на них ответственность по оккупации страны не позволяет их эвакуировать, пока не будет завершена работа по [финансовой] реорганизации»¹⁷. Кроме того, по заявлению британского правительства положение в Египте было столь неустойчиво, что преждевременная эвакуация оккупационных войск могла дестабилизировать обстановку в стране¹⁸. Как мы видим, Лондон под любыми предлогами намеревался сохранить свое военное присутствие в Египте с тем, чтобы гарантировать в будущем свое единоличное экономическое и политическое влияние в зоне Суэцкого канала, являющегося стратегически важной международной водной артерией, соединяющей колониальную Индию с ее метрополией.

Положение британских вооруженных подразделений в этой стране не укладывалось в рамки традиционных международных отношений. «Они, – писал в своей книге А. Милнер, – не являются солдатами хедива, или наемниками, приглашенными им. Они также не являются солдатами державы-протектора, поскольку теоретически такой державы не существует»¹⁹. Тем не менее, оккупационная армия оставалась в Египте до 1956 г. и была опорой британской администрации, как в условиях «завуалированного протектората», так и после провозглашения независимости этой страны в 1922 г.

¹³ Там же.

¹⁴ The British Library. – IOR: L/Parl/2/229. – Egypt. № 1. Correspondence: H. Drummond Wolff's Special Mission. – Mr. Egerton to the Marquis of Salisbury. Cairo, August 23, 1885. P. 4.

¹⁵ Фридман Л.А. Капиталистическое развитие Египта (1882-1939). М., 1963. С. 10.

¹⁶ Цит. по: Бурьян М.С. Указ. соч. С. 40.

¹⁷ The British Library. – IOR: L/Parl/2/229. – Egypt. № 1. Correspondence: H. Drummond Wolff's Special Mission. – Sir H. Drummond Wolf to the Marquis of Salisbury. Inclosure № 22. Therapia, September, 15, 1885. P. 13-16.

¹⁸ Ротштейн Ф.А. Указ. соч. С. 277.

¹⁹ Milner A. England in Egypt. New Jersey, 2002. P. 29.

Особую роль в деле сохранения господствующего положения Великобритании в Египте играли так называемые официальные представители министерства иностранных дел «на местах», небольшая часть из которых составляла штат каирской резиденции во главе с «полномочным министром и генеральным консулом». Гораздо более многочисленным был корпус британских советников, находившихся на службе у египетского правительства. Положение «советников» было довольно двусмысленным. Номинально подчиняясь официальному Каиру, они фактически работали под руководством главы британской резиденции, статус которого был также достаточно своеобразным. Формально он являлся лишь одним из более чем десятка генеральных консулов, представлявших европейские государства в Египте, и ничем не отличался от них. На деле, будучи выразителем воли оккупирующей державы, «полномочный представитель» Британской империи был, по оценке А. Милнера, «реальным, хотя и не объявленным повелителем» Египта²⁰.

Власть главы каирской резиденции была огромна. Сэр Эвелин Бэринг (1841-1917), занявший этот пост летом 1883 г., первым смог оценить это. Его правление в стране с точки зрения британских историков можно считать вполне успешным. Он в полной мере использовал выгоды своего положения для укрепления позиций Великобритании в долине Нила, при этом приведя в порядок финансовую систему Египта и устранив основные недостатки периода «двойственного контроля» и «европейского кабинета», породившие восстание Ораби-паши²¹. Позднее за свои труды он был возведен в звание пэра, получив имя лорда Кромера.

После отставки Кромера в 1907 г., система «завуалированного» протектората продолжала действовать практически без изменений. Новым верховным резидентом стал сэр Эдмон Горст (1861-1911), разделявший взгляды своего предшественника и служивший при нем в качестве финансового советника. И сам Горст, и сменивший его через 4 года генерал Горацио Китченер (1850-1916), и пришедшие ему на смену во время войны Генри Макмагон (1862-1949) и Реджиналд Уингейт, продолжали более или менее последовательно проводить политику Кромера и по-прежнему оставались настоящими хозяевами Египта²².

Возвращаясь к статусу пребывания британских войск в Египте, стоит отметить, что этот вопрос так и не был решен Лондоном вплоть до 1914 г. Главными «виновниками» нерешенности этого вопроса для Англии по-прежнему оставались Франция и Россия, не желавшие признавать легитимность британского присутствия в этой стране. Франция по-прежнему заявляла свои претензии на египетские долговые обязательства и на совместное с Великобританией владение Суэцким каналом. В Петербурге также не желали единоличного владения каналом британскими представителями, поскольку он имел важное стратегическое значение и для Российской империи. Во многом именно твердая позиция России и ее отказ от английского предложения получить проливы в обмен на согласие с аннексией Египта британцами повлияли на то, что Лондон так и не решился объявить эту территорию своей колонией²³. В результате, в обстановке обострения противоречий Великобритания была вынуждена пойти на компромисс, коим явилась многосторонняя Константинопольская конвенция, подписанная 29 октября 1888 г. представителями Франции, России, Германии, Австро-Венгрии, Италии, Испании, Голландии и Турции и установившая международно-правовой режим Суэцкого канала²⁴.

Данная конвенция подтверждала, что «морской Суэцкий канал как в военное, так и в мирное время будет всегда свободен и открыт для всех коммерческих и военных судов без различия флага»²⁵. Согласно ей, Англия не имела права держать свой флот в пределах Суэцкого канала и строить там свои укрепления. Такие условия, конечно, не устраивали британское правительство, и оно всячески препятствовало осуществлению Константинопольской конвенции. В итоге, при ее подписании консервативное правительство Солсбери сделало оговорку, которая практически полностью обесценило его подпись. Фактически Англия отказалась присоединиться к конвенции²⁶, заявив, что в случае возникновения угрозы британскому присутствию в Египте, она имеет право не выполнять условия данно-

²⁰ Ibid. P. 31.

²¹ Marlowe J. *Anglo-Egyptian Relations 1800- 1953*. L.: The Cresset Press, 1954. P. 190.

²² Бурьян М.С. Указ. соч. С. 41.

²³ Египет глазами россиян середины XIX – начала XX в. Политика, экономика, культура // Народы и культуры. Выпуск XV: Народы Ближнего Востока. Книга 2. М., 1992. С. 14.

²⁴ Никитина Г.С. Указ. соч. С. 20-21.

²⁵ Луцкий В.В. Новая история арабских стран. М., 1966. С. 204.

²⁶ Там же.

го соглашения. Лишь в 1904 г. при общем урегулировании британо-французских отношений эта оговорка была изъята из текста конвенции²⁷.

Итак, привязав Египет к экономической системе Британской империи, опираясь на оккупационную армию и захватив ключевые посты в административном аппарате этой страны, англичане могли править, не прибегая к аннексии. Как отмечал Ф. Ротштейн, «английская оккупация Египта была первым экспериментом новейшей колониальной политики под эгидой финансового капитала»²⁸.

Прямым следствием стремления британского правительства к сохранению «аномального» положения Египта в рамках международной правовой системы явилось то, что ответственность за положение дел в этой стране была возложена на министерство иностранных дел, внутри которого был создан так называемый Египетский департамент. Тем самым, противоречия, обнаружившиеся в области британо-египетских отношений в скором будущем, оказались как бы заранее спланированными. Штат Египетского департамента был весьма малочисленным. Там работали в основном профессиональные дипломаты и разведчики. Но после оккупации и особенно после англо-французского соглашения 1904 г. египетская проблема фактически утратила черты «международной». Следовательно, она должна была решаться не дипломатами, а опытными администраторами. В таком случае подчинение Министерству колоний было бы более логичным.

Правда, время от времени британское правительство подключало к решению проблем, связанных с управлением Египтом, ведомства, не имевшие к этому прямого отношения. Но система англо-египетских отношений становилась лишь еще более запутанной. Надлежащей координации действий между этими ведомствами не существовало. И Военное министерство, не желавшее ослаблять контроль над стратегически важным регионом, и англо-индийские власти, стремившиеся играть все возрастающую роль в колониальной эксплуатации Египта, и Форин-офис, вынужденный учитывать не только ситуацию в долине Нила, но и международную обстановку в целом, и наконец, каирская резиденция, сотрудникам которой приходилось проводить в жизнь не всегда дальновидные решения британского кабинета и на месте находить выход из кризисных ситуаций — по сути дела проводили свою собственную политику.

Разногласия между ведомствами, так или иначе участвовавшими в процессе выработки «египетской» политики Великобритании, делали эту политику непредсказуемой. Единая концепция развития англо-египетских отношений выработана не была. В этих условиях большую роль в разработке и претворения в жизнь «египетской» политики Лондона играли упоминавшиеся выше представители британского правительства «на местах». Конечно, только от министров зависело в каждый определенный момент принять или отвергнуть рекомендации советников различного ранга и влияния в Лондоне и Каире. И все же, эти последние оказывали значительное, а порой и решающее воздействие на формирование точки зрения британского кабинета. Интересна оценка А. Милнера. По мнению этого государственного деятеля, англичане добились определенных успехов в Египте только потому, что «люди на местах» проявляли «инстинктивную практичность». В обстановке полной неразберихи, писал он, британские советники и резиденты «пытались выработать для себя и своего государства что-то вроде определенной, логичной и последовательной линии поведения»²⁹.

До начала 20-х гг. XX в. «египетская» политика Великобритании была настолько изменчивой, что возникает сомнение, можно ли вообще говорить о существовании в то время определенного внешнеполитического курса в отношении этой страны. Стремление утвердиться в долине Нила появилось у англичан, по крайней мере, уже в середине 70-х гг. XIX в. Однако очевидно, что такие наиболее важные шаги в этом направлении, как вступление в число пайщиков Всеобщей компании Суэцкого канала, бомбардировка Александрии и оккупация Египта не являлись частями сколько-нибудь продуманного плана. Такого плана, в привычном для европейской дипломатии смысле этого слова, просто не существовало.

В каждом из приведенных случаев руководители имперской политики действовали, опираясь лишь на определенные принципы, и принимали решения, скорее подчиняясь ходу событий, чем предвидя или планируя их. «Не было ни определенной системы, ни какой-либо логики в действиях британских политиков»³⁰, — писал французский историк Ж. Берк. Эту же

²⁷ Франко-английское «сердечное согласие» (8 апреля 1904) // Юровская Е.Е. Практикум по новой истории. 1870-1917. М., 1979. С. 287-291.

²⁸ Цит. по: Ротштейн Ф.А. Англичане в Египте. М.-Л., 1925. С. 61.

²⁹ Milner A. Op. cit. P. 24-27.

³⁰ Цит. по: Бурьян М.С. Указ. соч. С. 43.

мысль подтверждает профессор А. Хаурани, говоря о склонности британских политиков к «импровизациям». А. Милнер считал характерными чертами «египетской» политики Уайтхолла прежде всего такие как «нерешительность», «изменчивость» и «неопределенность», писал о неспособности своих соотечественников «постичь ситуацию с самого начала», предвидеть последствия предпринимаемых шагов.

Неопределенность статуса Египта и отсутствие концепции развития англо-египетских отношений создавали дополнительные и весьма серьезные трудности для тех, кто отвечал за положение дел в этой стране. Приходилось скрывать от всего мира и, в том числе, от самих англичан – «явную», по выражению известного британского дипломата Г. Николсона, «аномалию британского присутствия в этом регионе, равно как и «священное таинство» неограниченной власти Уайтхолла. По мнению первого верховного резидента Египта Э. Бэринга, простого раскрытия «тайны» было бы «достаточно, чтобы расшатать всю систему взаимоотношений двух стран. Кроме того, любой конфликт внутри Египта, или связанный с этой страной, также подвергал эту структуру серьезному испытанию»³¹.

Отсутствие «логически последовательной линии поведения привело к тому, что каждый шаг по преодолению кризиса давался официальному Лондону очень нелегко и предпринимался позже, чем это было необходимо. Британское правительство старалось выиграть время и оттянуть принятие решения до того момента, когда необходимость в этом либо уменьшится, либо отпадет совсем. Если конфликт не утихал сам по себе, то после вмешательства представителей Форин-офиса «на местах», следовала демонстрация силы. Только затем начинались поиски политического решения, результатом которых обычно был компромисс, разрешавший сиюминутную проблему, но не исключавший возможности возникновения подобной кризисной ситуации в ближайшем будущем. Вследствие этого, Египет, по оценке английского исследователя К. Кросса, всегда оставался «одним из самых уязвимых мест в структуре Британской империи»³².

В то же время, не желая действовать согласно нормам, установленным международным правом, импровизируя, Лондон проявлял гибкость, умение приспособиться к изменяющимся условиям, и, в конечном счете, обычно добивался успеха. Египетскому и мировому общественному мнению представлялись все новые и новые фикции, маскирующие, по сути дела, колониальный характер британского присутствия в долине Нила. Определение истинного характера англо-египетских отношений было затруднено. Принятие конкретных и ясных решений можно было отложить до более благоприятного момента. Единственная трудность заключалась в том, чтобы не упустить тот момент, после которого промедление становилось уже опасным.

Таким образом, после оккупации вплоть до 1914 г. Египет представлял собой фактическую колонию Великобритании, в эксплуатации народа которой участвовали также другие державы. Последние, несмотря на то противодействие, которое они оказывали Великобритании в вопросе определения статуса, одновременно были заинтересованы в ее военном присутствии в Египте, так как высвободившиеся подразделения могли бы свободно использоваться и в других регионах мира³³, что угрожало действиям таких держав как Россия, Франция и Германия, имевших там собственные геополитические интересы.

При этом формальное изменение юридического статуса страны не казалось неизбежным. В 1914 г. разразилась Первая мировая война, и это стало удобным предлогом для того, чтобы, наконец, официально закрепить статус Египта в качестве подконтрольной Великобритании территории. В том же году правительство Асквита объявило протекторат над этой страной после того, как Турция вступила в войну на стороне Германии. Отныне делами Египта занималось не министерство иностранных дел, а специальный представитель британской короны в Каире, что по сути ничего не меняло, поскольку Египет не имел какой-либо собственной внешней политики ни до, ни после объявления протектората.

Добавим только, что официальное изменение статуса теперь уже бывшей османской провинции было призвано заморозить ситуацию в стране на время войны и сохранить там позиции британской короны³⁴.

³¹ Там же. С. 45.

³² Там же.

³³ Ленько А.В. Соединенное Королевство Великобритании и Ирландии. Эпоха выбора между империализмом и либерализмом. 1868-1918. СПб., 2012. С. 168.

³⁴ Mansfield P. The British in Egypt. L., 1971. P. 209-210.